
ИСТОРИЯ

ББК 63.3 (2) 45

**РОЛЬ ВЫСШИХ И ЦЕНТРАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИИ
В ИНКОРПОРАЦИИ КАЛМЫКОВ В СОСТАВ ГОСУДАРСТВА
(начало – вторая половина XVII в.)***К.Н. Максимов*

В добровольном вхождении калмыков в состав Российского государства, установлении военно-политического союза с Калмыцким ханством огромную роль сыграли высшие и центральные учреждения России.

Ключевые слова: *высшие, центральные, государственные учреждения, Россия, калмыки, инкорпорация.*

The higher and central establishments of Russia played a huge role in voluntary occurrence of Kalmyks in the structure of the Russian state, and also in an establishment of the military-political union with Kalmyk khanate, recognizing its independent management of internal affairs.

Keywords: *the higher, central, official establishments, Russia, Kalmyks, incorporation.*

Начало вхождения калмыков в состав России и установления ими официальных контактов с ее местными и центральными учреждениями совпало с тем периодом, когда Российское централизованное государство вошло в стадию роста и активного расширения границ, укрепления и возрастания значения носителя верховной власти – царя, государственного аппарата. В России к этому времени стабилизировалась с четко распределенными функциями система органов государственной власти и управления – царь, Боярская дума, Земский собор, приказы, а на местах основным звеном управления утвердился воевода. Последний назначался Разрядным приказом, ведавшим, помимо военных функций, делами личного состава государственного аппарата, и утверждался царем и Боярской думой. Воевода подчинялся тому приказу, в ведении которого находился соответствующий город с уездом.

С 1599 г. сибирские города вошли в подчинение Приказа Казанского дворца, учрежденного в 60-е годы XVI столетия в целях управления территориями бывших Казанского и Астраханского ханств. После разгрома Сибирского ханства и присоединения Сибири с многочисленными племенами, с появлением калмыков вблизи ее городов воеводам и Приказу Казанского дворца пришлось предпринимать меры к упрочению позиций в регионе, стремясь мирно ввести их в состав государства, поскольку, как писал С.М. Соловьев, «владычество русских в Сибири далеко ещё не было упрочено»[1].

С постепенным движением калмыцких улусов в западном направлении и с дипломатическими и торговыми с ними контактами администрация России убедилась, что калмыки представляют собой единый этнос, разделенный на субэтноты (дербеты во главе с тайшой Далай-Батыром и улусами Изеня, Ужена и Юриқты Конаевых; торгоуты во главе с тайшой Хо-Орлюком и улусами Корсуга-

на, Улчечая, Тогачея, Буярана и Дубенея), помимо того, связанные династическими узами. Но по степени общественно-социального, политического развития, военного управления они могли объединиться в этнополитическое образование по типу Джунгарского (во главе с правителем Чоросского княжества Хара-Хулой) и Хошоутовского (во главе с Гуши-ханом) ойратских ханств в разных регионах Евразии. Поэтому к проблеме инкорпорации калмыков в состав государства активно подключились два ведущих приказа – Приказ Казанского дворца и Посольский приказ, основанный ещё в 1549 г. для осуществления дипломатических сношений с иностранными государствами.

Оба приказа возглавляли начальники – судьи, назначаемые из членов Боярской думы. В период начального вхождения калмыков во главе Посольского приказа стоял боярин, брат царя Василия Шуйского Иван Иванович, а его помощником был думный дяк Василий Яковлевич Щелкалов, брат крупного дипломата второй половины XVI в. Андрея Яковлевича Щелкалова. Приказ Казанского дворца возглавлял другой брат царя – боярин Дмитрий Иванович, его помощником по восточным делам служил дяк Алексей Шапилов. О значении этих государственных центральных учреждений свидетельствует тот факт, что они находились в непосредственном подчинении у самого царя и Боярской думы.

Первым сибирским городом, с которым калмыки в 1606 г. вступили в переговоры, была Тара во главе с воеводой князем С.И. Гагариным, основанная в 1594 г. Воеводы, помимо гражданских, военно-административных, финансовых дел, заведовали также и пограничными вопросами. Они, пользуясь относительной самостоятельностью и неограниченными правами, а также не имея конкретных наказов из приказов, вершили делами на местах, в том числе и пограничными, «как приго-

же», «как бог вразумит». У воевод сибирских городов вышестоящим должностным лицом являлся воевода главного сибирского города – Тобольска, основанного в 1587 г. [2].

По мере упрочения позиции России в Сибири калмыки в начале XVII в. предприняли официальные шаги в установлении отношений с местными представителями царской власти. Прежде всего, это касалось вопросов территорий для кочевий и ведения торговли в сибирских городах. К такому контакту, положившему начало официальным русско-калмыцким отношениям, следует отнести прибытие 20 сентября 1606 г. в Тару Катачая Бурулдуева, представителя торгоутского тайши Хо-Орлюка, за разрешением кочевать в верховьях Иртыша (вдоль его притоков – Камышлова и Ишима) и вести торговлю. Однако тарский воевода князь С.И. Гагарин, не отрицая возможность положительного разрешения этих вопросов, решил перевести их в официальное русло. С этой целью он 2 октября 1606 г. направил к Хо-Орлюку своих служилых людей казака Томилу Алексеева и татарина Урдубая. Послы воеводы имели поручение сказать тайше, что он «кочует на нашей земле, нам ни бив челом ...» и если «он похочет под нашу царскою высокою рукою быть», то «он бы прислал в город на Тару лутчих людей для шерти и укрепления». А если не хочет, то «он бы шел с наши земли и от соляных озер прочь...»[3].

В связи с тем, что в условиях уже нарождавшейся бюрократизации центральной власти, а также в пределах полномочий воеводы города такие вопросы, как территориальные и отправка послов к царю, не могли быть разрешены, князь С.И. Гагарин, доложив тобольскому воеводе князю Р.Ф. Троекурову, обратился в царскую администрацию. Он в письме от 12 января 1607 г. в Приказ Казанского дворца не только информировал о прибытии представителя от одной из крупных групп калмыков-торгоутов, кочующих по территории русских земель во главе с тайшой Хо-Орлюком, и об их просьбах, но и просил дать ему указания по дальнейшим действиям в отношении калмыков.

В ответ на свое обращение и на информацию тобольского воеводы в Приказ Казанского дворца по указанию царя Василия Шуйского тарский воевода С.И. Гагарин получил из Приказа Казанского дворца Грамоту, датированную 30 марта 1607 г. В ней князю С.И. Гагарину поручалось направить служилых людей в калмыцкие улусы для переговоров о том, «чтоб калмыцкие князи и мурзы и всякие улусные люди были под нашу царскою рукою и шерть и утверждение и заклады дали, что им быти вперед под нашу царскою высокою рукою неотступным, и нам ясак с себя платить на вся годы безпереводно, и заклады бы они в город на Тару дали, и ясачных волостей, нашим ясачным людям, тесноты не чинили и не побивали, а мы их также

велим беречи и от недругов оберегати»[4]. Как видим, проблема о принятии калмыков в российское подданство на определенных условиях стала решаться на самом высоком государственном уровне – верховной власти страны.

С этого времени центральные учреждения России, выполняя указание царя, целенаправленно повели поиск путей юридизации инкорпорирования калмыков в состав Российского государства. О придании серьезного значения решению этого вопроса свидетельствовало установление контроля со стороны центральной власти. В этой же Грамоте предписывалось тарскому воеводе сообщать о ходе переговоров с калмыками в Приказ Казанского дворца лично самому боярину Дмитрию Ивановичу Шуйскому.

Доложив Приказу Казанского дворца о своих предложениях по вопросам складывающихся отношений с калмыками, князь С.И. Гагарин, как опытный государственный деятель в делах присоединения народов Сибири и восточной политики, 27 января 1607 г., не дожидаясь официальных указаний центра (они были получены только через два месяца – 30 марта), направил своих посланцев («ясачных тотар Енобая-князька да Куготая с товарищи») к обеим большим группам калмыков – к Далай-Батыру, тайше дербетов, и Хо-Орлюку, тайше торгоутов, с предложением принять российское подданство и прислать в Тару для дачи шерти (заключения договора, принятия обязательств) полномочных послов. Впоследствии Приказ Казанского дворца эти действия воеводы одобрил.

Посланцам С. Гагарина удалось встретиться только с Далай-Батыром, а кочевья Хо-Орлюка находились в отдалении в верховьях Иртыша. Енобай и Куготай вернулись в Тару 16 июня 1607 г. вместе с делегацией от всех дербетских тайшей. Глава официальной калмыцкой делегации (состав 21 человек) тайша Кугонай Тубиев в июне 1607 г. впервые от имени большой группы калмыков (дербетов) устно дал шерть России (в лице уполномоченного государственного чиновника – тарского воеводы князя С.И. Гагарина) на подданство ей. Заключив устное соглашение, С. Гагарин сразу же направил пятерых служилых людей в улусы дербетов с целью разъяснения принятых взаимных обязательств и необходимости эти договорные отношения заключить на самом высоком уровне – в Москве с царем и главными тайшами, закрепить в Жалованной грамоте «за золотыми печатями».

О состоявшейся встрече в июне 1607 г. с калмыцкой делегацией и даче ею шерти на российское подданство, о предпринимаемых мерах по юридическому закреплению этого договора князь С. Гагарин 30 сентября 1607 г. направил в Приказ Казанского дворца подробный отчет. Буквально через три недели, 18 октября, Приказ Казанского дворца в направленной Грамоте напомнил тарско-

му воеводе, чтобы он не упускал из виду торгоутских тайшей и послал и к ним своих представителей для ведения переговоров о принятии ими российского подданства. В то же время Приказ советовал ему проводить осторожную, выдержанную политику по отношению к ним. «А будет Урлюк да Кусурган под нашею царскою высокою рукою быти не похотят, и закладов не дадут и ясаку давати не учнут, и вы б от них наших ясачных волостей велели оберегати, а на них воевати не посылали, покаместа большие колмацкие тайши Изеней с товарищи в нашем жалованье укрепятца»[5]. Отсюда видим, что до заключения официальных договорных отношений с дербетскими тайшами центральная власть рекомендовала воеводе не применять какие-либо силовые действия, чтобы «не отпугнуть, не настожить» остальных больших калмыцких тайшей.

В Грамоте Приказа Казанского дворца от 18 октября 1607 г., помимо того, раскрывалась суть национальной политики России, составной частью которой явилось введение кочевых народов Сибири в свое подданство на добровольных началах, без принуждения, на взаимовыгодной основе. В этих целях государственные органы должны были проводить гибкую, взвешенную политику, направленную на мирное соглашение, развитие взаимовыгодной торговли, обеспечение безопасности торгующих, свободное общение. Об этом свидетельствует указание Приказа Казанского дворца тарскому воеводе: «И держать бы вам к ним ко всем ласка и привет во всем, и с торги велети бы им приезжати на гостин двор, а вам б в том от них бережение держати». Следующая особенность этой политики заключалась в том, что Россия, предлагая свою территорию, покровительство и защиту, взамен требовала ясак лошадьми, верблюдами и другими видами домашних животных, но чтобы все это не было в тягость народу.

После первого удачного соглашения, достигнутого делегацией Кугоная Тубиева, вскоре, 21 сентября 1607 г., в Тару пожаловала вторая, более представительная, делегация от пяти главных тайшей дербетов, в составе которой был и посланец от торгоутского тайши Шунхая (Сюнке) – сына Хо-Орлюка. Вместе с делегацией в Тару прибыл купеческий караван (только купцов 90 человек), пригнавший на продажу 550 лошадей. Согласно договоренности тарские власти освободили калмыцких торговцев от пошлинных сборов. Это явилось не только экономическим вопросом, но и политической привлечения калмыков, «их сперва не ожесточить и от наше царские милости не отгоняти».

В соответствии с указанием Приказа Казанского дворца калмыцкая делегация в полном составе (Алаков, Баучин, Тахабакшеев и Чиганов), представлявшая дербетов и торгоутов, была отправлена в сопровождении служилого тарского воеводства Болдана Бойкача в Москву на встречу

с российским царем. Калмыцкая делегация по прибытию в Москву 7 февраля 1608 г. была принята в Посольском приказе высоким должностным лицом – дьяком Василием Григорьевичем Телепневым, товарищем судьи, ведавшим, по всей вероятности, восточными вопросами.

14 февраля 1608 г. калмыцкая делегация в полном составе в сопровождении посольского дьяка В.Г. Телепнева была на приеме у царя Василия Ивановича Шуйского. После церемонии представления послов государю, пожалования к его руке, послы через переводчика изложили челобитные своих тайшей. Ответ царя В.И. Шуйского на их челобитную огласил В.Г. Телепнев. Тайшам со всеми их улусами разрешалось «кочевати в Сибирской земли по Иртишу и на Оми реке и по Камышлову и в-ыных местех, где похотят, и велели им под нашею царскою рукою бытии навеки неотступным, и ото всех недругов, от Казацкие орды и от Нагай и от Алтын-царя, велели их оберегати и обороняти, и во всем бы они на наше царское жалованье были надежны. И они б нам, великому государю, служили и прямили во всем навеки неподвижно». А ясак с калмыков предполагался «лошадьми по их воли, сколько они дадут». В заключение приема было высказано пожелание, чтобы «ехали бы они, лутчие люди, сами к нам, великому государю»[6].

По результатам первого официального приема царем В.И. Шуйским калмыцкой делегации, по всей вероятности, не был составлен какой-либо документ об их договорных отношениях. Косвенные исторические источники говорят о том, что 14 февраля 1608 г. состоялась лишь аудиенция у царя, положившая начало официальному решению вопроса о приеме калмыков в состав Российского государства. Поэтому не случайно Приказ Казанского дворца от имени царя (Грамота от 27 февраля 1608 г.) дал поручение новому тарскому воеводе князю И.В. Мосальскому разъяснить калмыкам условия принятия подданства и организовать прием присяги (шерти) от главных тайшей. Однако миссия служилых людей тарского воеводы, направленных с этой целью в калмыцкие улусы, завершилась не совсем удачно, поскольку «тайши были в походе, ходили Алтын-царя воевати, и им-де осенью к шерти были неколи, снеги упали».

Царская администрация и её центральные учреждения, учитывая стремление калмыцких тайшей найти сильного покровителя, стабильную территорию для кочевий, а также принимая во внимание сложную обстановку в стране, особенно на её южных рубежах, непрекращающиеся претензии Польши, в 1609 г. несколько активизировали действия по попытке ввести калмыков в состав Российского государства. С этой целью Приказ Казанского дворца от имени царя В.И. Шуйского послал тарскому воеводе И.В. Мосальскому две Грамоты, датированные 20 августа 1609 г. В каждой из них изла-

гались поручения воеводе отдельно по отношению как к дербетским, так и к торгоутским тайшам. Но суть содержания обеих Грамот заключалась в том, чтобы тайши дали шерть царю на условиях, достигнутых в Москве 14 августа 1608 г. Предусматривалась возможность заключения письменных договорных отношений о подданстве непосредственно с царем в Москве. В одной из Грамот говорилось, что «а будет тайши, лутчие люди, похотят ехати к нам, великому государю, к Москве, сами, и они б к нам ехали безо всякого опасенья... и они наши царские очи на Москве увидят сами, а мы их пожалуем великим своим жалованьем»[7].

Со второй половины 1609 г. крупные калмыцкие тайши, добившись объединенными усилиями победы над халхасским Алтын-ханом и казахами, заметно поубавили взаимные обмены делегациями с сибирскими городами, стали сдержаннее в вопросах о приеме в подданство. Царская администрация, уловив это настроение калмыцких тайшей, в 1610 г. вносит некоторые коррективы в свою политику по отношению к ним. Россия, не отвергая мирную дипломатию по добровольному введению калмыков в свой состав, уже не исключала возможности оказания силового давления. Приказ Казанского дворца в Грамоте от 15 июня 1610 г., предлагая тарскому воеводе И.В. Мосальскому по-прежнему продолжать вести с калмыками мирные переговоры, рекомендовал в случае необходимости прибегнуть к угрозе, дав понять, что если «учнут они кочевати на нашей земле насильством, и на них велим послати изо всех сибирских городов рать свою с вогненным боем. И велим их и их улусы воевати, и жон их и детей в полон имати»[8].

В то же время руководство Приказа напоминало тарскому воеводе быть бдительным, но не применять преждевременно военную силу, а, наоборот, искать пути к продолжению дипломатических приемов в решении проблемы подданства калмыков. Эта Грамота оказалась последней по калмыцким делам администрации царя Василия Шуйского. Буквально через месяц после её отправки в Тару он был низложен и арестован вместе с двумя братьями – Дмитрием и Иваном. Временное управление государством, как известно, перешло к группировке из семи наиболее влиятельных членов Боярской думы.

Междоцарствие, длившееся с 17 июля 1610 по 7 февраля 1613 г., оказалось для России чрезвычайно сложным и трудным периодом. В условиях продолжавшейся борьбы России с польско-литовской (с претензиями на престол) и шведской интервенцией, ожесточенной схватки различных группировок бояр за власть (с последствиями самозванства), а также фактически разрушенного государственного управления, калмыцкие дела оказались отложенными. В это время и калмыки, почувствовав себя несколько безопаснее после победы над халхасским

Алтын-ханом и казахами, не проявляли особой заинтересованности в скорейшем решении проблемы принятия подданства. Так завершился пятилетний интенсивный процесс во взаимно заинтересованной инкорпорации калмыков в состав Российского государства.

Все названные Грамоты от имени царя Василия Шуйского, исходившие из канцелярии Приказа Казанского дворца, правились и подписывались дьяком Алексеем Шапиловым. Тем самым можем сказать, что калмыцкий вопрос находился в руках довольно крупного государственного чиновника, одного из товарищей (заместителей) судьи Приказа, целенаправленно проводившего национальную политику, единую внешнеполитическую линию центральной власти во взаимоотношениях с восточными и южными странами и народами.

Новое движение с обеих сторон в развитии взаимоотношений России с калмыками началось после окончания в ней Смутного времени. Междоцарствие прекратилось в феврале 1613 г.: Земский собор избрал на царский престол Михаила Федоровича Романова. С этого времени восстанавливается российская государственность, складывается устойчивая самостоятельная политика. В эти же годы в калмыцких улусах прекратилась междоусобная борьба, наступили затишье и внутренний мир. Это позволило калмыкам покорить некоторые сибирские племена (барабинских, кузнецких татар) и взимать с них ясак. В результате замедлился темп их движения на запад, а также процесс принятия ими российского подданства.

После Смутного времени в связи с экономическими трудностями Россия начала усиливать ясачное давление на кочевые народы Сибири, а непокорных «смирять их войною, небольшим разорением, чтоб их смирить слегка»[9]. Эта политика воеводств сибирских городов, в несколько в смягченном варианте поддержанная центральной властью, коснулась и калмыцких улусов, создавая между ними конфликтные ситуации, вплоть до вооруженных столкновений. В них участвовали, как отмечал Н.Я. Бичурин, не целый народ, а отдельные мелкие князьки[10].

Взаимные претензии и столкновения между отдельными сибирскими городами и калмыцкими улусами к осени 1613 г. постепенно пошли на убыль. 25 ноября в том же году в Тару прибыла делегация от дербетских тайшей Далай-Батыра и Тюргеня с предложением о готовности прекратить взаимные нападения и вступить в переговоры. Приказ Казанского дворца, получив в феврале 1614 г. известие о прибытии в Тару калмыцких послов, от имени царя Михаила Федоровича (Грамота от 4 апреля) поручил тарскому воеводе И.М. Годунову немедленно направить служилых людей в калмыцкие улусы для заключения договорных отношений. Придавая важное значение возобнов-

лению мирных взаимоотношений с калмыками, Приказ Казанского дворца потребовал от тарского воеводы, чтобы он постоянно докладывал о ходе переговоров думному дьяку А. Шапилову.

В 1615 г. тарский воевода и калмыцкие тайши Далай-Батыр и Хо-Орлюк дважды обменялись делегациями, что позволило тобольскому (главного сибирского города) воеводе боярину И.С. Куракину в 1616 г. направить к указанным тайшам более представительное посольство. При этом он сразу же предупредил тюменского воеводу Ф.С. Коркодинова о том, «что посланы в Колмаки тобольские и тарские служилые люди для нашего посольского дела и чтоб вы тюменских служилых людей на колмаков войною не посылали». О всех своих предпринятых делах, в том числе и об отписке тюменскому воеводе, И.С. Куракин 20 сентября 1616 г. доложил Приказу Казанского дворца, который, в свою очередь, придавая важное значение развитию мирных процессов в отношениях с калмыками, сразу же отреагировал одобрением предпринимаемых тобольским воеводой мер и осуждением действий тюменского воеводы («князь Федор, делаешь не гораздо»). Приказ строго указывал тюменскому воеводе, что он продолжает «отгонять колмаков и посылать на них тюменских служилых людей войной... воевать воровством» (т.е. преступным путем. – *К.М.*). В связи с этим Приказ Казанского дворца Грамотой от имени царя (15 октября 1616 г.) поручал тюменскому воеводе «впредь на колмаков наших тюменских служилых людей и татар войной не посылали, от нас их не отгоняли ... А будете вы вперед учнете воровати и на колмаков без обсылки ис Тобольска посылать войною тюменских служилых людей и татар, и вам от нас быти в великой опале и в казни»[11].

Приказ Казанского дворца, получив сообщение тобольского воеводы от 20 сентября 1616 г. о посылке в марте-апреле 1616 г. послов к калмыцким тайшам, доложил об этом Посольскому приказу. Последний потребовал от тобольского воеводы подробно доложить о результатах миссии его посольства к калмыкам и при положительном исходе переговоров калмыцкую делегацию направить в Москву к царю.

И.С. Куракин в отписке Посольскому приказу о возвращении (в октябре 1616 г.) тобольских посланцев вместе с калмыцкими послами и подарками царю отмечал, что калмыки «под твоею государевою высокою рукою быти хотят» и желают «снарядить к тебе, государю, к Москве, лутчих своих людей». Но калмыков беспокоили два обстоятельства: неизвестность судьбы их послов в Тюмень, направленных ещё летом 1616 г.; второе – безопасность в пути послов в Москву, поскольку «от прежних воевод, которые были в Тобольску и на Тюмени, были людям их (калмыкам. – *К.М.*) теснота и обида и грабеж».

В результате организованного расследования тобольский воевода установил, что тюменский воевода «князь Федор Коркодинов колмаков гробил и тесноту чинил, и голодом морил, и мы, государь, чаем того, что он твоему государеву делу учинил поруху». Вместе с этим заключением в Приказ Казанского дворца на имя царя Михаила Федоровича доставили сыскную справку окружного воеводства и обыскные речи (докладные калмыцких послов, находившихся в Тюмени в заточении). Вслед за этим пакетом документов тобольский воевода И.С. Куракин в ноябре 1616 г. направил в Посольский приказ служилых людей Томилку Петрова и казака Ивана Куницына, которые находились в калмыцких улусах в июне-июле, для доклада государю о калмыцких делах. Они, подробно изложив в расспросных речах (докладной записке) о положении дел в калмыцких улусах Далай-Батыра и Хо-Орлюка, отметили, что они были встречены на самом высоком уровне и их предложение о принятии российского подданства тайши восприняли доброжелательно.

Результаты возобновления взаимоотношений с калмыками после воцарения Михаила Федоровича, практические шаги исполнительных органов, воевод сибирских городов в этом направлении, сведения, изложенные в расспросных речах Т. Петрова и И. Куницына, Боярская дума обстоятельно рассмотрела на заседании, состоявшемся 31 декабря 1616 г. во главе с царем и при участии тобольского воеводы И.С. Куракина. Решение Боярской думы, принятое впервые на столь высоком государственном уровне, гласило: «Вперед сылатца с колмацкими людьми... и приводить их под государеву руку. А которых послов или посланников колмацкие люди учнут присылать к государю, и тех ис Тобольска совсем отпускать к государю к Москве, не задержав». В соответствии с вердиктом Боярской думы в тот же день царь принял указ аналогичного содержания.

Калмыцкий вопрос рассматривался Боярской думой как часть внешней политики юго-восточного направления. Поэтому вместе с ним решались проблемы об отношении к халхасскому Алтынхану, Китайскому государству, бухарскому царю. Что касалось дела тюменского воеводы Ф.С. Коркодинова, то Боярская дума признала, что «в Тюмени воеводы колмацким послам чинят обиды и насильства и грабежи».

Выполняя приговор Боярской думы от 31 декабря 1616 г. и царский указ, тобольский воевода И.С. Куракин 29 мая 1617 г. направил в калмыцкие улусы атамана И. Савельева и служилого П. Петрова вместе с прибывшим послом Буга от Далай-Батыра. Посланцы воеводы, пробыв у калмыков более двух месяцев, вернулись к концу ноября с положительными ответами тайшей в сопровождении Буга и Коодана, послов Далай-Батыра. После месячной подготовки они вчетвером были снаря-

жены и отправлены (25 декабря 1617 г.) в Москву на прием к царю.

По указанию Михаила Федоровича калмыцкое посольство, прибывшее в Москву 12 февраля 1618 г., 20 марта принял дьяк Посольского приказа С. Романчуков. На встрече в Посольском приказе калмыцкие послы изложили дьяку цель своего прибытия. Они заявили, что прибыли от Богатыря-тайши к государю со словесным приказом «быти хотят под государевою высокою рукою и во всем царском повелении». Далее они добавили, что об этом сами объявят царю[12].

По итогам беседы с Бугом и Кооданом С. Романчуков составил записку, а также справку о приеме калмыцких послов в феврале 1608 г. царем Василием Шуйским. Боярская дума, рассмотрев эти материалы, подготовила предложения и представила царю на окончательное решение. Михаил Федорович принял послов Далай-Батыра 29 марта 1618 г. В результате этой аудиенции калмыцкие послы получили первый официальный правовой документ от Российского государства – Жалованную грамоту царя Михаила Федоровича калмыцкому тайше Далай-Батыру о принятии его со всеми улусами в подданство, составленную на русском и татарском языках и датированную 14 апреля 1618 г.

Содержание Жалованной грамоты раскрывало несколько изменившуюся политику России по отношению к калмыкам. Если до 1618 г. царская администрация требовала от калмыцких тайшей в качестве основных обязательных условий нахождения в составе государства, кроме верной службы, аманатов (заложников) и ясака (дани), то теперь главным критерием становится военная служба – «на непослушников со своими ратными людьми ходить».

В связи с обострившимся отношением с Алтын-ханом чоросский тайша Хара-Хула, предпринимая меры к объединению ойратских княжеств, направил во второй половине 1619 г. своих послов в Тобольск, а затем в Москву с предложением, «чтоб он был под царскою высокою рукою». Попытка халхасского Алтын-хана помешать Хара-Хуле приобрести покровительство России не увенчалась успехом. Личные аудиенции 29 января и 23 мая 1620 г. у царя посольства тайши Хара-Хулы, переданные устные его заверения явились основанием для выдачи 25 мая того же года Жалованной грамоты царя Михаила Федоровича чоросскому тайше о принятии со всеми его улусами в российское подданство.

Одной из особенностей развивающихся взаимоотношений между Россией и калмыками в 1620 г. явилось то, что царская администрация, внимательно следя и регулируя эти процессы, решение вопросов о приведении отдельных групп калмыков в российское подданство передала воеводам сибирских городов. Поэтому тобольский

воевода М.М. Годунов, не решившись отправить в Москву посольство тайши Хо-Орлюка и его сыновей, прибывшее в Тобольск 12 сентября 1620 г., ограничился отпиской (информацией) в Приказ казанского дворца. Затем, поскольку он только что вступил в должность, для выяснения обстановки направил в калмыцкие улусы служилых людей во главе с сыном боярским Д. Черкасовым.

Однако калмыцкие тайши торгоутской группы (Хо-Орлюк, его сыновья и братья), не дожидаясь решения М. Годунова, почти одновременно (6 и 19 октября 1620 г.) направили две делегации в Уфу. Воевода О.Я. Прончищев оперативно уже 9 и 23 октября послов обеих делегаций привел к присяге «быти под твоею государевою высокою рукою». Все же без указания центральной власти он не рискнул отпустить калмыцких послов в Москву под предлогом, что «путь приспел зимней».

Боярская дума, рассмотрев в конце ноября 1620 г. заключения Приказа казанского дворца и Посольского приказа, две отписки О.Я. Прончищева, полностью одобрила действия уфимского воеводы. Принятое ею решение гласило: «Государь указал и бояре приговорили», что воевода «добро учинил, что колмаков привел под государеву руку, и вперед бы им з базаром и с торгом приезжать велел, и ласку к ним держал и береженье, чтоб им ни от кого обид не было, и торговали б с ними правдою, чтоб их приучить, а не отогнати»[13]. Уфимскому воеводе было предложено, в целях закрепления развивающихся договорных взаимоотношений, впредь «учнут приезжать ... послов колматцких отпустить к Москве».

В связи с обострением в 1621 г. продолжавшейся войны между Алтын-ханом, выступавшим в союзе с казаками и ногаями, и чоросским тайшой Хара-Хулой, которому начали активно помогать тайши других групп калмыков, резко сократились контакты последних с сибирскими городами. Этому способствовала и усиливавшаяся «информационная война» не в пользу калмыков. С одной стороны, в дезинформации центральной власти о якобы предстоящем нападении калмыцких тайшей на сибирские города и волости оказались заинтересованными сами некоторые воеводы в целях получения «служилых людей с вогненным боем, государева жалованья (денежного, хлебного запаса)», с другой – противники калмыков, с тем чтобы настроить русских против них.

Поэтому воеводы сибирских городов в 1621 – 1623 гг. начали внимательно изучать обстановку в калмыцких улусах. Лишь по указанию царя Приказ Казанского дворца в октябре 1623 г. принял тайшу Мангита (брата Далай-Батыра), давшего шерть в июне того же года тобольскому воеводе М. Годунову. Приказ Казанского дворца (князь боярин И.М. Воротынский) и Посольский приказ (думный дьяк Е.Г. Телепнев), учитывая обострившиеся отношения

с Польшей, Литвой, Турцией, Крымским ханством, с ногайцами, а также в связи с имевшимися фактами столкновения сибирских городов с некоторыми калмыцкими улусами, внесли коррективы в политику по отношению к калмыкам. Воеводам сибирских городов предлагалось по-прежнему устанавливать и развивать взаимоотношения с калмыками, всячески содействовать принятию ими подданства, но «не велеть послов колматцких к Москве отпускать по прежнему государеву указу» и «им ратного оружия не продавать», поскольку «они люди многие и воинские, и они б к Москве пути не познали».

С середины 1620-х годов разгорелась ожесточенная междоусобная борьба между сыновьями Хара-Хулы – Чохуром и Байбагишом из-за наследства старшего брата Чин-тайши. В эту распрю вмешались в целях примирения их отец – дербетский тайша Далай-Батыр и торгоутский тайша Хо-Орлюк. Столкновения между двумя враждующими группировками продолжались до осени 1629 г. В своем противоборстве обе стороны пытались настроить русских друг против друга. В этой обстановке калмыцкие дела полностью взял в свои руки Посольский приказ (думный дьяк Е. Телепнев и дьяк М. Матюшкин), постоянно информируя царя Михаила Федоровича и святейшего государя патриарха Филарета Никитича о происходивших событиях в калмыцких улусах, контролируя и направляя действия воевод сибирских городов.

Следует отметить, что в эти годы не прерывались взаимоотношения (торговля, обмен делегациями) между сибирскими городами и отдельными калмыцкими улусами. Весьма оживленные взаимоотношения возобновились с начала 1630-х годов между администрациями городов Уфы, Тобольска, Тюмени и Томска и калмыками. В результате калмыцкие тайши получили возможность направить своих послов в Посольский приказ и к царю. По указанию Михаила Федоровича думные чины Посольского приказа дважды встречались (в апреле и июне 1630 г.) с послами дербетского тайши Далай-Батыра, а затем в конце июня сам их принял. По итогам визита указанных послов Посольский приказ от имени царя направил Грамоту от 12 июля 1630 г. уфимскому воеводе И.Г. Желябужскому закрепить письменным договором с главными тайшами условия нахождения калмыков в составе Российского государства.

Следующее посольство, уже от хошеутовских и торгоутских групп, из Уфы в Москву прибыло в конце декабря 1631 г. По указанию царя его приняли 12 января 1632 г. в Посольском приказе думный дьяк Ф. Лихачев и дьяк М. Матюшкин, которые выяснили, что эта группа калмыков приближалась к степям Приуралья и Поволжья.

После смерти в 1637 г. Далай-Батыра крупное дербетовское княжество распалось на уделы, а группировка калмыков во главе с тайшой Дайчи-

ном (сыном Хо-Орлюка) находилась уже в Приуральских степях (междуречье Яика и Волги). Хо-Орлюк, опасаясь повторных нападений зюнгарских, дербетских тайшей и казахов, с низовьев Яика и Эмбы двигался к Дайчину, получившему в 1636 г. у царской администрации разрешение «кочевать по Яику и по Волге, Астрахани блиско». А в 1642 г. Хо-Орлюк с детьми, опасаясь нападения «дальних калмыков» (джунгарских), перешел на правый берег Яика и кочевал по «астраханской стороне» до самой Камыш-Самары. Однако появление калмыков в этих местах и локальные их стычки с башкирами вызвали беспокойство у самарского, уфимского и астраханского воеводств.

В этой обстановке Посольский приказ неоднократно пытался дипломатичным путем разрешить вопросы закрепления калмыков в составе государства: в июне 1645 г. по указанию Михаила Федоровича калмыцких послов приняли боярин Б.И. Морозов и думный дьяк Г. Львов; в ноябре 1649 г. по указанию царя Алексея Михайловича и Посольского приказа с Дайчином встретился уфимский служилый в статусе посланника И.И. Онучин. Помимо этого, в 1646 г. по указанию Алексея Михайловича к тайшам торгоутов приезжал уфимский стрелецкий сотник посланник А.Б. Кудрявцев, в 1648 г. – уфимский сын боярский посланник В.К. Голубцов. По самому главному вопросу обе договаривающиеся стороны приходили к согласию – «калмыки будут в вечном послушании, готовы служить и прямить и з государевыми изменниками и непослушными битися до смерти, не щадя голов своих» [14]. Но что касается требования выдать аманатов (заложников), калмыки заупрямились. Поэтому проблемы о кочевьях и правовом закреплении калмыков в составе Российского государства несколько стали затягиваться.

В начале 1650-х годов позиция царской администрации по вопросу о кочевьях калмыков и об окончательном их закреплении в составе государства принципиально изменилась. Причина заключалась в том, что начавшаяся в 1654 г. война России с Речью Посполитой, в которой приняли участие Швеция, Турция и её вассальные государства – Молдавия и Крымское ханство, потребовала мобилизации всех ресурсов Российского государства [15], привлечения дополнительных военных сил. В это время активизировались калмыки с обращениями о разрешении территориальной проблемы, одновременно заявляя о своем намерении «однолично» служить Русскому государству «прямою правдою».

С учетом сложной военной обстановки на юго-западе страны и готовности калмыков принять участие в борьбе против Турции и Крымского ханства было ускорено положительное решение территориального и торгового вопросов. Посольский приказ, несмотря на чрезвычайную загруженность в связи с началом войны, серьезное внимание уде-

лил в 1654 г. организации переговоров, подготовке проекта шерты и согласованию с тайшами. Впервые шертная запись от имени главных калмыцких тайшей 4 февраля 1655 г. была подкреплена подписью калмыцким письмом их поверенным писарем Батырки. В последующем эта шерть, как документ, имеющий юридическую силу закона, была включена в Полное собрание законов Российской империи (том I).

В ней трое калмыцких послов клялись за тайшей, их братьев, детей, племянников, за всех улусных людей великому государю Алексею Михайловичу быть «в вечном послушанье», участвовать в ратных делах, не вступать в связь с неприятелями России, не воевать с подданными царя. По данному первому юридическому документу калмыки, утверждаясь в российском подданстве, сохраняли самостоятельность и самоуправление внутри Российского государства, но с соблюдением и обязательным выполнением условий, в основном носивших военно-политический характер.

В соответствии с шертной записью от 4 февраля 1655 г. Посольский приказ по указанию царя Алексея Михайловича подготовил и в апреле того же года разослал Грамоту воеводам Астрахани, Казани и других поволжских городов. В ней центральная власть впервые официально закрепила определенную территорию за калмыками – «улусам их велено кочевать по Волге по ногайской стороне, и по Ахтубе, и по Белужью или близко наших городов, где они кочевать похотят» – и дала указание не препятствовать и «не чинить дурно» им [16]. Согласно договоренности быть с «государевыми ратными людьми вместе», весной того же года последовал царский указ о выступлении калмыков на борьбу с Крымским ханством и в связи с этим идти на соединение с донскими казаками и с гетманом войска Запорожского – Богданом Хмельницким.

Условия закрепления калмыков в российском подданстве были уточнены и подкреплены в шертных записях 1657, июньской и декабрьской 1661 гг. Этому предшествовали ряд объективных событий, активизировавших царскую администрацию принять решение потребовать подписать калмыцкими тайшами новые обязательства. В конце 50-х годов XVII в. Крымское ханство предприняло настойчивую попытку (безуспешную) склонить калмыков на свою сторону. В 1660 г. на Украине оказались неудачными военные действия русско-украинской армии против войск Польши и Крыма [17]. В целом, по всей вероятности, это было связано с продолжавшейся войной России против Польши и Швеции, с высадкой военного десанта турок под Азовом, с выступлением крымского хана и подписанием в июне 1661 г. невыгодного «вековечного Кардисского мирного договора» со Швецией.

В этой тяжелой военной обстановке на юго-востоке страны царская администрация приняла

ряд экстренных мер по мобилизации военных ресурсов, где немаловажное значение придавалось и калмыцкой коннице против польских и крымско-турецких войск. В целях привлечения калмыков к войне на южных рубежах, а также к выполнению дипломатического поручения в феврале 1661 г. к тайше Дайчину в сопровождении донских казаков Федора Будана и Степана Разина прибыл представитель центральной власти И.С. Горохов, думный дьяк Посольского приказа. Он передал тайше указ царя Алексея Михайловича, «чтобы Дайчин тайша послал к крымскому хану спрещение, чтобы крымский хан от польского короля отстал и помочи ему не чинил», а в случае если крымский хан не отстанет и не прекратит военные действия против России, «то калмыки будут воевать крымские юрты» [18].

Согласно условиям шертной записи от 8 июня 1661 г., проект которой составлялся И.С. Гороховым и уполномоченным по военным делам от России в Калмыкии князем К.М. Черкасским совместно с представителями Дайчина, надлежало «идти войною ратным нашим калмыцким людям нынешнего 7169 году июня с первого на десять числа на крымские улусы, и с крымским ханом в миру и в соединении нам не быть, а Великого государя с людьми быть в вечном миру и в соединении, и вспоможение русским людям везде чинить неоплошно» [19]. К договору прикреплялась роспись калмыцкого ратного отряда численностью до 10 тыс. человек для немедленного совместного выступления с донскими казаками против турецко-крымских войск.

Договорным документом, окончательно оформившим закрепление калмыков в российском подданстве на постоянной и обширной территории, явилась шертная запись, по повелению царя Алексея Михайловича данная тайшой Мончаком (сыном Дайчина) 9 декабря 1661 г. уполномоченному центральной власти России по организации вооруженных сил юго-востока страны боярину, князю Г.С. Черкасскому, астраханскому губернатору, в присутствии думного дьяка Посольского приказа И.С. Горохова, прибывшего специально для участия в этой церемонии.

Нормативные документы 1655, 1657 и 1661 годов с точки зрения де-факто и де-юре свидетельствовали о том, что Россия, приняв калмыков в свое подданство, и калмыки, войдя в её состав, совместно и согласованно выработали и установили взаимоотношения на нормативно-договорных принципах при добровольном волеизъявлении обеих сторон. Вопросы политического и военного характера координировались через специально их уполномоченных посланцев, которые пользовались особым положением (на уровне посланников). Такой характер подданства калмыцкого народа и его взаимоотношений на том этапе с Россией объясняется тем, «что калмыки не были побеждены силой русского оружия, но добровольно призна-

ли над собой государственную власть страны, где поселились», принципиально изменив суть своего политического статуса – договорные их обязательства теперь превратились в государственные обязанности[20].

Таким образом, в инкорпорации калмыков в состав России решающую роль сыграли два важнейших составляющих фактора: с одной стороны – стремление калмыцкого народа, обусловленное исторической необходимостью выбора постоянного места обитания, а также и сильного покровителя, с другой – заинтересованность Российского государства в расширении своей территории и в обеспечении безопасности на ней, активная деятельность его органов верховной и центральной власти в реализации этой политики путем проведения по отношению к некоторым народам адекватно выдержанной, мирной политики, с соблюдением взаимовыгодных интересов при агломерации их.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VI. История России с древнейших времен. Т. 11–12. М., 1991. Т. 12. Гл. 5. С. 559.
2. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 66, 67; Пашков Б.Г. Русь – Россия – Российская империя. Хроника правлений и событий 862 – 1917 гг. 2-е изд. М., 1997. С. 228.
3. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607 – 1636 гг.: сб. док. М., 1959. С. 28, 29.

4. Там же. С. 21.
5. Там же. С. 23.
6. Там же. С. 27, 34, 37–39.
7. Там же. С. 34, 35, 36.
8. Там же. С. 39.
9. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. V. История России с древнейших времен. Т. 9 – 10. М., 1990. Т. 9. Гл. 1. С. 16, 17; Гл. 5. С. 298.
10. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста, 1991. С. 37.
11. Материалы по истории русско-монгольских отношений. С. 44.
12. Там же. С. 55, 70 – 73.
13. Там же. С. 102–103, 106–108.
14. Кичиков М.Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов: образование калмыцкого государства в составе России. Элиста, 1966. С. 98.
15. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. V. Т. 10. Гл. 4. С. 596–615.
16. Кичиков М.Л. Указ. соч. С. 102.
17. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. VI. Т. 11. Гл. 2. С. 86–90.
18. Там же. Т.12. Гл. 5. С. 555–558.
19. Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя императора Николая Павловича составленное. СПб., 1830. Собрание первое, с 1649 г. по 12 декабря 1825 г. Т. 1: с 1649 по 1675 гг. С. 531–532. № 300.
20. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань, 1929. Ч. 3/4. С. 5; Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 6: Специальные курсы. М., 1989. С. 307, 309.

ББК 63.3 (2) 46

МЕЖДОУСОБНАЯ БОРЬБА ОЙРАТОВ 1625 – 1630 гг. И ПЕРВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КАЛМЫКОВ В СЕВЕРНОМ ПРИКАСПИИ

В.Т. Тепкеев

Статья посвящена одному из переломных моментов в истории ойратов во второй половине 20-х годов XVII века. В результате междоусобной борьбы 1625 – 1630 годов ойратское общество раскололось на два враждебных лагеря, что привело к новому толчку миграции в западном направлении – в степи Северного Прикаспия.

Ключевые слова: XVII век, междоусобица, ойраты, Чокур, Байбагас, Далай-Батур.

The article is devoted to one of critical moments in history of the Oyrats in the second half of 20-th of the XVIIth century. As a result of war 1625–1630 Oyrat society cracked on two hostile camps, that resulted in the new shove of migration in a westward in steppe of Northern Caspian region.

Keywords: XVII century, internal struggles, Oyrats, Chokur, Baibagas, Dalai-Batur.

Долгое время в историографии превалировало мнение о том, что в авангарде продвижения ойратов на запад вдоль сибирских границ Московского государства находились торгуты Хо-Урлюка, вслед за которыми продвигались с улусами и дру-

гие ойратские тайши. Но при изучении новых материалов обнаруживается явное несоответствие подобному утверждению. Известно, что группа хошутских улусов братьев Чокура, Байбагаса и Чин-тайши в первой половине 1625 г. кочевала на